

НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ

С. Г. Новиков

«Я СЕБЯ ПОД ЛЕНИНЫМ ЧИЩУ...»: СОВЕТСКИЕ ВОЖДИ 1920-Х ГОДОВ ОБ ИДЕАЛЕ ВОСПИТАНИЯ

УДК 37.014
ББК 74.03

В статье рассматривается определение «наследниками Ленина» идеала воспитания. Утверждается, что данный идеал концентрировал в себе как автохтонные (традиционные, социоцентристские), так и заимствованные (современные, антропоцентристские) ценности.

Ключевые слова: идеал воспитания; обыденное педагогическое сознание; тотемизм; Правда; культура модернити; лидеры большевизма.

S. G. Novikov

«I BRUSH HIMSELF UNDER LENIN...»: SOVIET CHIEFS ABOUT THE IDEAL OF UPBRINGING IN 1920-s

The article deals with the definition of «the heirs of Lenin's» ideal of upbringing. It is argued that this ideal concentrated the autochthonous (traditional, sociocentric) and the borrowed (modern, anthropocentric) values.

Key words: ideal of Upbringing; everyday pedagogical consciousness; totemism; Truth; culture of modernity; leaders of Bolshevism.

Крушение СССР в 1991 г. ознаменовало собой начало глубинной социокультурной, социально-экономической и политической трансформации, разорвавшей нравственную ткань общества. Катаклизм потряс общество

до самых его оснований, не пощадив ценностного фундамента. Под сомнение были поставлены идеалы, считавшиеся неизблемыми большинством советских людей в течение многих десятилетий. Развенчанию подвергся

и образ В. И. Ленина — фигуры некогда сакральной, осенявшей своими «заветами» политику всех поколений советских коммунистических вождей. На «самого человеческого человека» обрушился не просто поток критики, но целая лавина обвинений, в которых трудно бывало отделить реальные факты от инсинуаций. Характерно, что и статисты, и солисты антиленинианы, очевидно, были некогда участниками «Ленинских уроков» в советских школах, которые либо «внезапно прозрели», либо сумели, наконец, открыто выразить свое истинное мнение о создателе большевистской партии. Такое «оборотничество» задело за живое многих наших соотечественников, проведя еще одну линию противостояния и в без того расколотом обществе.

Возникает вопрос: почему личность Ленина оказалась в центре общественного внимания? Ответ на него очевиден: на протяжении шести десятилетий отечественная система образования упорно транслировала подрастающим поколениям образ основателя советской государственности в качестве идеальной личности, высшего нравственного образца.

Главные черты этого образа обозначили уже в 1920-е годы «наследники Ленина». Последним термином мы обозначаем как «вождей» первого ранга — членов Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б), реального верховного органа власти в стране

(Н. И. Бухарина, Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева, И. В. Сталина, Л. Д. Троцкого и др.), так и «вождей» второго плана — членов ЦК, видных теоретиков и пропагандистов большевизма, активных участников борьбы на «воспитательном фронте» (А. М. Коллонтай, **З. И. Лилину**, А. В. Луначарского, М. Н. Покровского и др.).

Анализ текстов лидеров большевизма показывает, что они конструировали идеал воспитания для детей и молодежи, руководствуясь традиционным манихейством — подходом к миру, представляющим его как арену борьбы Правды и кривды (высшего воплощения всего положительного и зла, соответственно)¹. Качества идеальной личности своей запредельной высотой также выстраивались в логике традиционного дистанцирования сущего и должного (последнее персонафицировалось в личности Ленина как выразителе сакрально нормативного начала). Подобно носителям обыденного русского педагогического сознания, большевистские вожди, с одной стороны, относили идеальный образ основателя партии-государства «к сфере принципиально невыполнимого», с другой — требовали от подрастающих поколений безусловной партиципации к этому должному².

Похоже, большевистские проектировщики идеала воспитания уловили тот огромный позитивный, мобилизующий воспитательный потенциал, ко-

¹ Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России): в 2 т. Новосибирск: Сиб. Хронограф, 1997–1998. Т. 2. С. 261–264.

² Яковенко И. Г. Познание России: цивилизационный анализ. М.: РОССПЭН, 2012. С. 124.

торый несет в себе подчеркивание масштабности дистанции между должным и сущим. Нравственные требования, предъявлявшиеся ими к строителям «нового мира», были столь строги, что именно своей запредельностью они формировали убеждение в реализуемости должного.

Предлагая подрастающим поколениям образ Ленина в качестве идеальной личности, большевистские вожди как бы показывали, что и в профанном мире сущего можно обнаружить неких представителей Правды. Таковым, как это видно из письменных источников (периодической печати, документов личного происхождения и пр.), был не только основатель Советского государства, но и правящая партия в целом, ее отдельные герои — борцы за «счастье трудового народа». Сделаться земным воплощением всего положительного большевистской партии помогло подключение ее к массовым источникам творческой энергии¹, превращение из революционной организации в носительницу традиционного соборного нравственного и воспитательного идеала. Данный идеал, исторически сформировавшийся в обыденном педагогическом сознании и выносивший на вершину пирамиды ценностей интересы социальной целостности, проникал в РКП(б)-ВКП(б) вместе с новыми членами, рабочими и крестьянами, и поддерживался образованной элитой, испытывавшей безоглядную веру в

народ. Тот же Ленин верил в классовое чутье рабочих, позволяющее, как он полагал, занимать им верную политическую и нравственную позицию. Создатель большевизма оценивал стихийность как «зачаточную форму сознательности»². И это позволяло ему, по удачному выражению А. С. Ахиезера, рассматривать массовое сознание как скрытую неразвернутую высшую истину, а научную теорию — как развернутую формулировку Правды народного сознания³.

Однако в этом «коллективном субъекте» строительства «нового мира» Ленин сразу занимает особое место, трансформируясь усилиями теоретиков и пропагандистов большевизма из реального человека в носителя мудрости и высшего блага. Он, вместе со своим детищем — партией, образует в 1920-е годы двуединный тотем. В. В. Маяковский гениально выразил их неразрывность фразой: «Ленин и партия — близнецы-братья». Т. е. воспитательный образец отныне олицетворялся новым Мессией — Лениным и его коллективным воплощением, «церковью» — большевистской партией.

Собственно говоря, в предложенном массам ментальном феномене не было ничего принципиально нового. В интеллектуальных усилиях большевистских теоретиков и пропагандистов проявилось тотемическое мышление, сохранившееся в дореволюционной России благодаря выведению царс-

¹ Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России): в 2 т. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1997–1998. Т. 2. С. 330.

² Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1967–1975. Т. 6. С. 30.

³ Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта... С. 221.

кой власти из Божественной воли и подкрепленное в постреволюционной России выведением власти большевиков из воли народной. Подобное мышление, как указывала О. М. Фрейденберг, неизменно «берет любой предмет, имеющий реальные признаки величины, цвета, качества, назначения и т. д., и наделяет его разными, *воображаемыми* чертами, идущими мимо признаков предмета (курсив наш — С. Н.)»¹. По ее же глубокому замечанию, тотемизм всегда является двусторонним. Тотем — это «и отдельный предводитель клана, и весь людской коллектив в целом»². В нашем случае — тотем это и основатель государства, и партия как сердцевина данного государства.

Какие же личностные качества выделялись у отца-основателя, у идеальной личности, у Ленина? Л. Б. Каменев, член Политбюро, директор Института Ленина, характеризуя почившего вождя, писал, что тот не пренебрегал «никакой деталью», не отстранялся «ни от какой будничной работы», умел «выжидать, когда это целесообразно, и рисковать, когда этого требует дело»³. Причем, как отмечал другой «наследник», М. Н. Покровский (заместитель наркома просвещения РСФСР), Ленин при всей своей революционности был не чужд здоровому консерватизму. Старый большевик вспоминал:

«Первый совет, который я от него услышал, звучал совсем по-староверчески, до неприличия консервативно, можно сказать: “Ломайте поменьше!”»⁴.

Л. Д. Троцкий, один из главных теоретиков большевизма первой половины 1920-х гг., с одобрением писал, прежде всего, о *целеустремленности* и *решительности* Ленина. «Всякие проявления прекраснотуши, маниловщины, халатности...возмущали его», — замечал «второй вождь Октября»⁵. Другой важной чертой ленинского характера ему виделся здоровый практицизм. Не раз и не два Троцкий обращал внимание своих читателей на это личностное качество отца-основателя: «Целеустремленность Ленина всегда была конкретной»; «...с ленинизмом непримиримо прикрытое пустопорожним агитаторством пасование перед действительностью, пассивное упущение времени»⁶. Вновь и вновь возвращался Троцкий в своих воспоминаниях к таким ленинским качествам, как *организованность*, *нетерпимость к разгильдяйству*, *пустословию*. «Неутомимость Ленина в работе, — с восхищением писал он, — была беспримерна». А несколькими строками ниже Троцкий опять подчеркивал ленинскую «величайшую сосредоточенность духовных сил, устремленных к единой цели»⁷. У Ленина, по мнению Троцкого, большевики учились со-

¹ Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М., 1978. С. 44.

² Там же. С. 68.

³ У великой могилы. М.: Изд. газеты «Красная звезда», 1924. С. 26.

⁴ Там же. С. 264.

⁵ Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М.: Политиздат. 1990. С. 215.

⁶ Там же. С. 191, 219.

⁷ Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. М.: Моск. рабочий, 1991. С. 32.

четанию «революционной инициативы, смелой критической проработки вопросов с железной дисциплиной действия (выделено нами — С. Н.)»¹. По мысли Троцкого, Ленин являл собой человека, «слитого из мужественной, непреклонной мысли и стальной непоколебимой воли»². Мессия «нового мира», делал он вывод, вобрал в себя все лучшие качества «старой русской интеллигенции»: «дух самопожертвования, дерзания, ненависти к гнету»³. Ему вторил Г. Е. Зиновьев. Председатель Исполкома Коминтерна, т. е. главный коммунист планеты «по должности», писал о любви, которую испытывали к Ленину простые крестьяне: «За бодрость духа, за силу воли, за готовность помочь, за ласку к простому человеку (курсив наш — С. Н.)»⁴.

Троцкий подчеркивал равнодушные Ленина к материальным благам и удобствам, шедшее, по его мнению, не от стремления следовать специально нарисованному образу подвижника, а от внутренней цельности и сконцентрированности на высших интересах угнетенных. «Простота обихода, — писал Троцкий, — воздержанность в отношении пищи, питья, одежды ... вытекали у него не из каких-либо моралистических принципов, а из того факта, что умственная работа и напря-

женная борьба не только поглощали его интересы и страсти, но и давали ему то высшее удовлетворение, которое не оставляет места для суррогатов наслаждения»⁵.

Характерно, что схожие оценки ленинского облика давал и антипод Троцкого Сталин. Это видно уже из названий разделов речи генсека «О Ленине», которую тот произнес через неделю после кончины создателя партии: «Горный орел», «Скромность», «Сила логики», «Без хныканья», «Без кичливости», «Принципиальность», «Вера в массы», «Гений революции». Ленин в представлении Сталина — это «горный орел, не знающий страха в борьбе», которого отличают «простота и скромность», «необычайная сила убеждения», чья логика электризует слушателей и берет их в плен «без остатка»; ему свойственна «гениальная прозорливость», «смелость революционных замыслов»⁶. Таким образом, лидеры-соперники призывали молодежь учиться у Ленина смелости намерений и решимости в их осуществлении, жесткости и высокой самоотдаче в борьбе. Они обращали внимание подрастающего поколения на неприятие Лениным такого качества русского человека, как обломовщина, понимаемой большевиками по В. Далю — «русская вялость, лень,

¹ Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М.: Политиздат, 1990. С. 193.

² Там же. С. 239.

³ Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М.: Политиздат, 1990. С. 238.

⁴ Зиновьев Г. Е. Ленин как человек и товарищ // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 6. М.: Политиздат, 1990.

⁵ Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. М.: Моск. рабочий, 1991. С. 33.

⁶ Сталин И. В. О Ленине и ленинизме // Ленин В. И. Избр. произв. Т. 1. М., 1938. С. 3–25. С. 14, 15, 16, 19.

косность; равнодушие к общественным вопросам, требующим дружной деятельности, бодрости, решимости и стойкости; привычка ожидать всего от других, а ничего от себя»¹.

В осуждении авторами идеала воспитания беспочвенного прожектерства и пустословия обнаруживается влияние на отечественное педагогическое сознание культуры «модернити», для которой характерны такие ценности, как *эффективность, рационализм, инновация* и пр. Однако характер высказываний лидеров большевизма говорит, что они не освоили по-настоящему западную «культурную программу», поскольку предполагали осуществить трансплантацию модернистских ценностей во многом *традиционным* способом — насилием, натиском, базирующимся на подавлении личности. Такой метод «перевоспитания», кстати, использовал другой «западник» — Петр I, **чьи приемы были** названы Н. А. Бердяевым «большевистскими»². Отмеченная философом аналогия не является поверхностной. Вспомним, сам Ленин призывал «не жалеть диктаторских приемов» для того, чтобы ускорить перенимание эффективных западных образцов. Он требовал еще больше, чем Петр, ускорять «перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства»³.

Заметим, что известные нам проявления жесткости, а временами и жестокости вождя большевизма, его нетерпимость в отношениях с идеологическими противниками не являются основанием для утверждения, что в образе Ленина, рисуемом его «наследниками», присутствовал сознательный обман. Иными словами, ошибкой было бы предполагать, что нравственный портрет Ленина изображался большевистскими теоретиками произвольно, вне связи с реальным Владимиром Ильичом Ульяновым. Скорее, мы имеем дело с искренней агиографией. Именно по ее законам новый Учитель наделялся, наряду с его действительными чертами, теми характеристиками, которые имели дидактическое предназначение. Авторитет новому Евангелию от большевизма придавал тот факт, что писалось оно «апостолами» — людьми, непосредственно знавшими Ленина и принадлежавшими к руководству партии, оказавшейся, как воплощение Правды, тотемом, средоточием высшего знания, нравственности, центром всей жизнедеятельности. Подобно христианским Евангелиям, эти живые свидетельства были преисполнены неподдельной любви и благоговения перед Учителем. Так, Г. Е. Зиновьев, горестно ронял: «Не было человека более простого, более ясного, более человеческого, чем товарищ Ленин»⁴. Даже предубеж-

¹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. М.: Русский язык, 1981. С. 593.

² Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. С. 12.

³ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1967–1975. Т. 36. С. 301.

⁴ У великой могилы. М.: Изд. газеты «Красная звезда», 1924. С. 552.

денный против Ленина человек не мог не признать, читая текст Н. И. Бухарина «Памяти Ильича», что писал его автор, искренне потрясенный утратой. «Думаешь о нем, — ронял слова главный на тот момент теоретик партии, — и знаешь: нет, не придет наш мудрец. <...> Такой простенький и такой крепкий; с такими добрыми морщинками около глаз — и такой железный; такой незаметный — и такой мудрый»¹.

Слова «железный» и «простой» станут ключевыми при характеристике идеала воспитания, персонифицированного в личности Ленина. С одной стороны, отмечали его соратники, Ленин всегда «стоял посреди всех, как скала воли и уверенности в победе»; он — «могучий, грозный, железный, всевидящий»². А с другой — Ленин — «прост как правда». Но «прост *потому*, что был слишком велик»³. Его величие заключалось, по мнению единомышленников, в высочайшем самоотречении во имя интересов трудящихся. «Разве кто мог, — писал Бухарин, — допустить, что Ильич думает о чем-либо ином, кроме интересов великого дела?»⁴. При этом последователи Ленина подчеркивали, что массы вел за собой не фанатик, а человек, вооруженный истинным знанием, являющим собой квинтэссенцию интеллектуальных достижений человечества. Тот же Бухарин отмечал:

«...он мог сделать так много потому, что выжал все ценное, что давал капиталистический мир, и мобилизовав эти знания, оплодотворив их учением Маркса, развив это учение дальше, все это поставил на службу пролетарской революции»⁵.

Перед глазами подростков и молодежи, равно как и перед очами их воспитателей — родителей и педагогов — вставала исполинская фигура, сочетавшая в себе традиционную отечественную *миротречность* и модернистский *рационализм*, русский *размах* и европейскую *расчетливость*. Ленин был доказательством осуществимости на практике воспитательной задачи — формирования человека, соединяющего «*революционность* и *деловитость*, революционность и американизм»⁶. Не случайно отличительные качества «нового человека» — модельной конструкции, являвшейся проекцией идеала в плоскость практических дел, — четко определялись в докладе Бухарина, сделанном в очередную (четвертую) годовщину смерти Ленина. К авторитету Учителя обращался «любимец партии», когда писал, что нужно «воспитывать в себе *чувство массы*, *чувство связи* с массами, *чувство постоянной заботы* об этой массе», «*чувство ответственности*», когда восклицал: «Никакого успокоения, никакого душевного “жирка”»⁷. О Ленине вспо-

¹ Бухарин Н. И. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1988. С. 116.

² Там же. С. 117, 119.

³ Там же. С. 119.

⁴ Там же. С. 120.

⁵ Там же. С. 120.

⁶ Там же. С. 389.

⁷ Там же. С. 387.

минал Бухарин, когда протестовал против психологии халатности, высокомерного отношения к мелочам. «Ни одна мелочь, — заявлял он, — не должна считаться мелочью, которая лежит вне сферы нашего влияния... Сонливое, обломовское отношение к этим “мелким” недостаткам есть чума, которую мы должны раздавить и уничтожить»¹. Именем Ленина освящался призыв ведущего теоретика изживать «остатки истинно русской растяпистости», «учиться еще большей быстроте ориентации, еще большей деловитости»². Фигура Учителя олицетворяла собой «нового человека-борца», который, «несмотря ни на какие препятствия, ни на какую, даже самую тяжелую, обстановку, не опускал революционного знамени и, как вылитый из стали, шел к своей цели (выделено нами — С. Н.)»³. Именно с подобными людьми, выражал уверенность Бухарин, «мы создадим такую цивилизацию, перед которой капиталистическая цивилизация будет выглядеть так же, как выглядит “собачий вальс” перед героическими симфониями Бетховена»⁴.

Характерно, что разработка идеала воспитания шла параллельно с внедрением в сознание подрастающего поколения этого образа как «путеводной звезды» (благо, что он

вполне вписывался в традиционную культурную парадигму). И уже в год смерти Ленина появляется книжка И. Лина, героиней которой говорит: «А есть ведь у нас солнце, настоящее, для бедных... Тому солнцу — имя: Ленин»⁵. А в 1925 году выходит в свет уже сборник «Ленин и юные ленинцы» под редакцией Э. И. Лиловой, ветерана партии, заведующей отделом народного образования Петроградского исполкома.

Резюмируем сказанное.

Первое. Идеал воспитания, персонафицированный в образе Ленина, формировался в русле традиционного отечественного педагогического сознания, путем абсолютизации полярностей, структурирования воспитания вокруг конструкта должное/сущее.

Второе. В идеале воспитания сфокусировались как автохтонные (традиционные, социоцентристские) ценности, так и заимствованные (современные, антропоцентристские).

Третье. Образ Ленина как идеальной личности формировался не посредством «простого фантазирования» вождей большевизма, фальсификации ими прошлого, но вследствие «подведения» личностных качеств реального человека под интересы социального преобразования страны.

¹ Там же. С. 388.

² Там же. С. 387.

³ Там же. С. 390.

⁴ Там же. С. 390.

⁵ Лин И. Ленин и дети. М.: Мол. гвардия, 1924. С. 15.

Список литературы

1. Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России): в 2 т. / А. С. Ахиезер — Новосибирск: Сиб. хронограф, 1997—1998. — Т. 1. — 799 с; Т. 2. — 595 с.
2. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. — М.: Наука, 1990. — 222 с.
3. Бухарин, Н. И. Избранные произведения / Н. И. Бухарин. — М.: Политиздат, 1988. — 499 с.
4. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка / В. Даль. — М.: Русский язык, 1981. — Т. 2. — 779 с.
5. Зиновьев, Г. Е. Ленин как человек и товарищ / Г. Е. Зиновьев // Воспоминания о В. И. Ленине. — Т. 6. — М.: Политиздат, 1990. — 379 с.
6. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. — 5-е изд. — Т. 6. — М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1963. — 619 с.
7. Лин, И. Ленин и дети / И. Лин. — М.: Мол. гвардия, 1924. — 95 с.
8. Сталин, И. В. О Ленине и ленинизме / И. В. Сталин // Ленин В. И. Избр. произв. — Т. 1. — М.: Изд-во полит. лит-ры, 1938. — С. 3—25.
9. Троцкий, Л. Д. К истории русской революции / Л. Д. Троцкий. — М.: Политиздат, 1990. — 447 с.
10. Троцкий, Л. Д. Портреты революционеров / Л. Д. Троцкий. — М.: Моск. рабочий, 1991. — 364 с.
11. У великой могилы. — М.: Изд. газеты «Красная звезда», 1924. — 642, [2] с.
12. Фрейденберг, О. М. Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. — М.: Наука: гл. ред. восточн. лит-ры, 1978. — 605 с.
13. Яковенко, И. Г. Познание России: цивилизационный анализ / И. Г. Яковенко. — М.: РОССПЭН, 2012. — 671 с.